

Всегда родится у меня
 Некстати шутка и проказа!
 Ей-ей не знаю почему —
 Я своевольничать охотникъ,
 И, признаюсь вамъ, не работникъ
 Ученой скукъ и уму.
 Мнѣ дума вольная дороже
 Гарема свѣтлаго паши,
 Или почти одно и то же:
 Она — душа моей души.
 Боюсь, какъ смерти, разныхъ правилъ,
 Которыхъ, впрочемъ, по нуждѣ,
 Въ моральной жизни и въ бѣдѣ
 Благоразумно не оставилъ;
 Но правилъ тяжкаго ума,
 Но правилъ чтенья и письма
 Я не терплю, я ненавижу,
 И, чтò забавнѣ всего,
 Не видѣлъ прежде и не вижу
 Большой утраты отъ того.
 Я трату съ пользою исчислю,
 И вотъ что послѣ вывожу:
 Когда пишу, тогда я мыслю;
 Когда я мыслю, то пишу...
 Скажи же, милый мой читатель
 И равнодушный судія,
 Ужель я долженъ, какъ писатель,
 Измучить скукою себя?..
 Ужели день и ночь для славы
 Я долженъ голову ломать,
 А для младенческой забавы
 И двухъ стиховъ не написать?..
 Мы всѣ, младенцы пожилые,
 Смѣшнѣ маленькихъ ребятъ;
 И вѣрь: за шалости бранять
 Одни лишь глухие и злые.
 Все тихо въ лагерѣ ночномъ.
 Къ землѣ прикинувъ голову,
 Съ своимъ хранителемъ — ружьемъ,
 Приносить русскій дань покою.
 Питомецъ сѣвера и льдовъ,
 Не зная прихоти и нѣги,
 Вездѣ завидные ночлеги